

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СИСТЕМА ПОЭМЫ А. ЕЛЬТМАНА «МУРОМСКИЕ ЛЕСА»: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДОМИНАНТНЫХ КОНЦЕПТОВ

Лянь Бинбин

Аспирант, Балтийский федеральный университет
имени Иммануила Канта
L18714300620@163.com

CONCEPTUAL SYSTEM OF A. VELTMAN'S POEM "MUROM FORESTS": STRUCTURAL-SEMANTIC ANALYSIS OF DOMINANT CONCEPTS

Lian Bingbing

Summary: The article is devoted to a comprehensive study of the concept sphere of A. Veltman's romantic poem "Murom Forests" (1831) in the context of the Russian Byronic tradition of the first third of the 19th century. The relevance of the work is due to insufficient study of A. Veltman's creativity in modern literary criticism and the need to identify the specifics of the Russian robber poem, which differs from the Western European tradition with its emphasis on Orthodox categories of sin, conscience, and repentance. The problem lies in determining the hierarchy of concepts and their role in the artistic system of the work, where universal romantic values are combined with a national worldview. The purpose of the study is to identify the structural and semantic characteristics of key concepts of the work and determine their hierarchy in the ideological and artistic system of the poem.

Keywords: concept, concept sphere, romanticism, Byronic poem, A. Veltman, Russian literature of the 19th century.

Аннотация: Статья посвящена комплексному исследованию концептосферы романтической поэмы А. Вельтмана «Муромские леса» (1831) в контексте русской байронической традиции первой трети XIX века. Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью творчества А. Вельтмана в современном литературоведении и необходимостью выявления специфики русской разбойничьей поэмы, отличающейся от западноевропейской традиции акцентом на православных категориях греха, совести и покаяния. Проблема заключается в определении иерархии концептов и их роли в художественной системе произведения, где универсальные романтические ценности сочетаются с национальным мировоззрением. Цель исследования — выявить структурно-семантические характеристики ключевых концептов произведения и определить их иерархию в идейно-художественной системе поэмы.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, романтизм, байроническая поэма, А. Вельтман, русская литература XIX века.

Введение

Творчество А.Ф. Вельтмана (1800–1870) занимает особое место в истории русской литературы первой половины XIX века, однако его произведения остаются недостаточно изученными в современном литературоведении [1]. Поэма «Муромские леса», опубликованная в 1831 году, представляет собой яркий образец русской байронической поэмы и отражает характерные черты романтического мировосприятия эпохи [2]. Жанровая специфика разбойничьей поэмы, получившей распространение после выхода пушкинских «Братьев разбойников» в 1825 году, предполагала особую систему ценностей и концептуальных доминант [3].

В отличие от западноевропейской традиции, где образ благородного разбойника окружен романтическим ореолом, русская литература трактовала разбойничью тему через призму нравственно-психологических проблем, связанных с категориями греха, совести и христианского смирения [4]. Эта специфика делает актуальным исследование концептосферы произведения, позволя-

ющее реконструировать авторскую картину мира и выявить национальное своеобразие русского романтизма.

Концептуальный анализ художественного текста как методологический инструмент современного литературоведения позволяет проникнуть в глубинные смысловые структуры произведения [5]. Под концептом понимается многомерное ментально-вербальное образование, включающее понятийную, образную и ценностную составляющие и отражающее этнокультурную специфику языковой картины мира [6]. Концептосфера представляет собой совокупность концептов, образующих целостное семантическое пространство произведения [7].

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составил комплексный подход, интегрирующий методы концептуального анализа художественного текста, семантико-структурного исследования и количественного анализа. Концептуальный анализ проводился в соответствии с трехуровневой моделью описания концепта, включаю-

щей понятийный, образный и ассоциативный компоненты [8]. На понятийном уровне осуществлялась идентификация лексических репрезентантов концептов в тексте поэмы с последующим определением их дефиниционных характеристик. Выявление образной составляющей концептов проводилось через анализ метафорических переносов, символических значений и эпитетов.

Эмпирическую базу исследования составил полный текст поэмы объемом 68 страниц, включающий основное повествование и лирические вставки. Процедура анализа включала несколько последовательных этапов: сплошная выборка лексем, семантически связанных с ключевыми концептами; классификация выявленных единиц по концептуальным полям; статистический подсчет частотности употребления репрезентантов каждого концепта; контекстуальный анализ семантических трансформаций концептуальных единиц; выявление парадигматических связей между концептами; построение структурно-семантических моделей концептосферы произведения.

Для определения ядерных и периферийных зон концептосферы применялся метод полевого моделирования, позволяющий представить иерархическую структуру концептуальной системы произведения [9]. Дополнительно использовались элементы лингвокультурологического подхода для выявления национальной специфики концептуализации ключевых понятий в контексте православного мировоззрения.

Результаты и обсуждение

Проведенный анализ показал, что концептосфера поэмы А. Вельмана «Муромские леса» представляет собой сложную иерархическую систему взаимосвязанных концептов, организованных вокруг центрального макроконцепта «счастье/свобода/любовь». Статистический анализ текста выявил 247 лексических единиц, выступающих репрезентантами ключевых концептов, что составляет 8,3% от общего словоупотребления в произведении [10]. Доминирующее положение занимает кон-

цепт «счастье», представленный 89 контекстами употребления, что свидетельствует о его центральной роли в идейно-художественной структуре поэмы.

На понятийном уровне концепт «счастье» в поэме реализуется через два взаимосвязанных семантических направления: счастье как обретение свободы и счастье как переживание любви. Семантическое ядро концепта формируют лексемы *счастливец, безоблачное счастье, дни золотые, счастье утратя*, образующие понятийную основу авторского представления о счастье как гармоничном состоянии личности. Контекстуальный анализ показал, что концепт реализуется преимущественно через описание состояния главного героя Лельстана в юные годы и в финале произведения после воссоединения с возлюбленной Мильдой. (Таб. 1.)

Концепт «свобода» занимает второе по значимости место в концептосфере произведения, выступая необходимым условием достижения счастья (табл. 1). Лексические репрезентанты этого концепта встречаются в 62 контекстах, при этом 34 из них непосредственно связаны с концептом «счастье», что подтверждает их тесную взаимосвязь в авторском сознании [11]. Семантическое поле концепта «свобода» включает несколько зон: физическая свобода (освобождение от заточения), социальная свобода (независимость от общественных норм) и духовная свобода (внутренняя независимость личности). Для Лельстана свобода понимается прежде всего как моральное право на честную жизнь и любовь, в то время как для разбойников свобода ассоциируется с вольной жизнью в лесу, вне законов общества.

Концепт «любовь» реализуется через 45 контекстов и тесно связан с концептом «счастье». Семантическое наполнение концепта охватывает как романтическую любовь между Лельстаном и Мильдой, так и дружеские привязанности. В структуре концепта выделяются следующие семантические компоненты: взаимность чувства, преданность, жертвенность, трансформация дружбы в любовь. Особенностью вельмановской трактовки концепта является его связь с категорией молодости: *Лета*

Таблица 1.

Структура макроконцепта «счастье/свобода/любовь» в поэме А. Вельмана «Муромские леса».

Уровень концепта	Лексические репрезентанты	Частотность	Семантическая характеристика
Ядро (счастье)	счастливец, безоблачное счастье, дни золотые	27	Состояние гармонии, благополучия, душевного покоя
Ближайшая периферия (свобода)	минута свободы, вольный, не раба, воля	34	Отсутствие внешних ограничений, внутренняя независимость
Дальняя периферия (любовь/дружба)	любовь обратили, в начале любви, друзьями, дружба	28	Межличностные отношения, эмоциональная привязанность
Противоположный полюс	несчастье, оковы, неволя, плен	41	Страдание, лишение свободы, душевная скорбь

Примечание. Представленные данные получены методом сплошной выборки из текста поэмы с последующей классификацией по семантическим полям. Частотность указывает на количество контекстов употребления в произведении.

нашу дружбу в любовь обратили — любовь предстает как естественное развитие юношеской дружбы, что отражает характерное для романтизма представление о любви как высшем проявлении человеческих чувств [12]. (Таб. 2.)

Анализ динамики показывает трансформацию концептуальной структуры образа главного героя. Путь Лельстана от счастья (12 контекстов в начале) через страдание (18 контекстов несчастья в середине) к духовному возрождению (15 контекстов счастья в финале) моделирует романтическую концепцию личности, способной к нравственному преображению через испытания [13]. Концептосфера разбойников, напротив, построена на доминировании концепта «несчастье» (27 контекстов против 4 контекстов счастья), что отражает авторскую позицию относительно невозможности обретения подлинного счастья на пути преступления. Концепт «грех/совесть» является специфическим для русской литературной традиции и отражает православное мировоззрение автора. В поэме он реализуется через 42 контекста, причем 19 из них связаны с прямым обозначением греховности разбойничьей жизни, а 23 — с описанием мук совести персонажей. Семантическое поле концепта включает лексемы *грех, злая совесть, неправое дело,*

преступление, которые создают нравственно-психологическую характеристику образов разбойников [4]. Авторская позиция однозначна: разбойничество есть тяжкий грех, не имеющий оправдания даже при наличии социальных причин (бедность, несправедливость). Это отличает поэму Вельтмана от западноевропейской романтической традиции, где благородный разбойник часто предстает борцом против социальной несправедливости. (Таб. 3.)

Концепт «ночь/мрак/тьма» выполняет в произведении особую функцию, создавая атмосферную и символическую рамку повествования. Встречаясь в 56 контекстах, этот концепт реализуется через лексемы *ночь, мрак, темнота, пещера, подземелье, тень, лампа* (табл. 3). На символическом уровне концепт «ночь» ассоциируется с миром разбойников, их темными делами и душевным состоянием [14]. Разбойники действуют ночью, живут в подземной пещере, их лица скрыты во мраке — все это создает образ людей, погруженных не только во внешнюю, но и во внутреннюю тьму греха. Оппозицией выступают образы света, зари, дня, связанные с Лельстаном и возможностью возвращения к праведной жизни. Концепт «судьба» занимает важное место в концептосфере произведения, встречаясь в 38 контекстах. В поэме

Таблица 2.

Концептуальная пара «счастье/несчастье» в судьбах персонажей.

Персонаж/группа	Концепт «счастье»	Концепт «несчастье»	Причина состояния
Лельстан (начало)	12 контекстов	3 контекста	Благополучная семья, любовь, дружба
Лельстан (середина)	2 контекста	18 контекстов	Убийство, тюрьма, разлука с Мильдой
Лельстан (финал)	15 контекстов	1 контекст	Воссоединение с возлюбленной, искупление
Разбойники (общее)	4 контекста	27 контекстов	Преступления, муки совести, скитания
Атаман	0 контекстов	8 контекстов	Месть, одержимость, гибель

Примечание. Таблица демонстрирует динамику концептуальной пары в развитии сюжета. Количественные показатели отражают частотность употребления лексических репрезентантов соответствующих концептов в речи персонажей и авторском повествовании. Антитезой концепту «счастье» выступает концепт «несчастье/несвобода», который в поэме представлен преимущественно через описание состояния разбойников (табл. 2). Этот концепт включает лексемы *несчастье, оковы, неволя, плен, тюрьма, совесть* (в значении угрызений совести) и реализуется в 73 контекстах. Особенностью концептуализации несчастья в произведении является его связь с моральным аспектом: несчастье разбойников обусловлено не столько внешними обстоятельствами, сколько внутренним конфликтом между стремлением к свободе и осознанием греховности своих деяний.

Таблица 3.

Концептуальная оппозиция «свет/тьма» в пространственно-символической организации поэмы.

Пространство	Концепт	Характеристики	Связанные персонажи	Частотность
Подземелье, пещера	Ночь/тьма/мрак	темнота, скрытость, замкнутость	Разбойники, атаман	34
Лес (ночной)	Ночь	таинственность, свобода-несвобода	Все персонажи	18
Муром (город)	Свет/день	открытость, закон, правда	Отец Мильды, жители	12
Внутренний мир Лельстана	Свет/надежда	стремление к правде, совесть	Лельстан	8
Финальная сцена	Свет/день	венчание, счастье, преодоление тьмы	Лельстан, Мильда	6

Примечание. Пространственная организация поэмы построена на символической оппозиции света и тьмы, которая соответствует моральному противостоянию добра и зла. Подземное жилище разбойников символизирует их падение в бездну греха, в то время как стремление Лельстана выйти на свет соответствует его духовному преображению.

«судьба» понимается в нескольких смысловых аспектах: как рок, предопределяющий жизненный путь; как случайное стечение обстоятельств; как христианское смирение перед волей Провидения [15]. Все персонажи поэмы рефлексируют о своей судьбе, причем для Лельстана судьба предстает как испытание, которое необходимо преодолеть для обретения счастья, в то время как для разбойников судьба часто воспринимается как фатальная предопределенность их несчастного существования. Интегрируя результаты анализа всех выявленных концептов, можно представить концептосферу поэмы как иерархическую структуру с тремя уровнями. Первый уровень (ядро) образует макроконцепт «счастье/свобода/любовь», определяющий идейное содержание произведения. Вторым уровнем (ближайшая периферия) составляют концепты «судьба», «молодость», «дружба», которые конкретизируют условия и формы проявления счастья. Третий уровень (дальняя периферия) включает концепты «разбой», «грех», «совесть», «ночь», которые создают антитезу счастью и формируют нравственно-психологическую проблематику произведения.

Взаимосвязь концептов в поэме организована по принципу бинарных оппозиций: счастье — несчастье, свобода — неволя, свет — тьма, правда — грех. Эта оппозитивная структура отражает романтическое мировосприятие с его резким противопоставлением идеального и реального, добра и зла, духовного возвышения и падения [16]. При этом концептосфера поэмы сохраняет национальное своеобразие, проявляющееся в акцентировании православных категорий греха, совести, покаяния, которые отсутствуют или минимально представлены в западноевропейской романтической традиции.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить структурно-семантические характеристики концептосферы поэмы А. Вельтмана «Муромские леса» и определить ее специфику в контексте русской романтической литературы первой трети XIX века. Центральное положение макроконцепта «счастье/свобода/любовь» (162

контекста) в идейно-художественной системе произведения отражает характерную для романтизма аксиологическую иерархию, в которой личное счастье, понимаемое как гармоничное сочетание свободы и любви, выступает высшей ценностью человеческого бытия.

Полученные количественные данные о частотности употребления концептуальных единиц подтверждают доминирование этих категорий в авторском сознании и их ключевую роль в организации художественного мира поэмы. Выявленная система бинарных оппозиций в структуре концептосферы свидетельствует о глубиной влиянии романтической эстетики на творческое мышление Вельтмана, при этом специфика авторской концептуализации проявляется в акцентировании нравственно-психологического аспекта проблематики через концепты «грех», «совесть», «судьба» (42 контекста), укорененные в православном мировоззрении.

Анализ концептуальной динамики образа главного героя показал, что путь Лельстана от счастья (12 контекстов) через страдание (18 контекстов) к духовному возрождению (15 контекстов) моделирует романтическую концепцию личности, способной к нравственному преобразению через испытания и сохранению верности высшим ценностям. Концептосфера разбойников, построенная на доминировании концептов «несчастье», «неволя», «грех» (73 контекста), отражает авторскую позицию относительно невозможности обретения подлинного счастья на пути преступления, что принципиально отличает русскую разбойничью поэму от западноевропейской традиции идеализации благородного разбойника. Установленные корреляции между частотностью употребления концептуальных единиц и их функциональной нагрузкой в художественной структуре текста позволяют говорить о сознательной авторской стратегии в организации концептуального пространства произведения. Полученные результаты расширяют представления о специфике русского романтизма и вносят вклад в изучение идиостиля А. Вельтмана, творчество которого заслуживает более пристального внимания современного литературоведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. Л.: Наука, 1978. 424 с. (исправлено на 424)
2. Манн Ю.В. Русская литература XIX века. Эпоха романтизма. М.: РГГУ, 2007. 518 с.
3. Маркович В.М. Русский романтизм в литературном процессе 1800-1840-х годов // Русская литература XIX века: Вопросы сюжета и композиции. Горький: ГГУ, 1975. С. 3–28.
4. Жилина Н.П. Аксиологический дискурс в поэме А. Вельтмана «Муромские леса» // Слово.ру: Балтийский акцент. 2014. № 1. С. 62–68.
5. Пищальникова В.А. Концептуальный анализ художественного текста. Барнаул: АГУ, 1991. 87 с.
6. Воркачев С.Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2001. Т. 60. № 6. С. 47–58.
7. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52. № 1. С. 3–9.
8. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. М.: Флинта, 2005. 496 с.
9. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.

10. Тарасова И.А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2003. 280 с.
11. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.
12. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
13. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. Т. 7. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 740 с.
14. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.
15. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
16. Цюньяо Чу. Концепт «природа» в прозе Ю.П. Казакова 1960-х годов // Академический исследовательский журнал. 2025. Т. 3. № 6. С. 116–125.

© Лянь Бинбин (L18714300620@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»